

Изъ писемъ М. Д. Скобелева къ К. П. фонъ-Кауфману.

1877.

I.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Константинъ Петровичъ.

Послѣ болѣе чѣмъ мѣсячнаго пребыванія въ арміи наконецъ берусь за перо, чтобы положить начало дорогому, дарованному мнѣ праву продолжать переписку съ вами, также какъ я имѣлъ счастье это дѣлать въ продолженіи почти двухъ лѣтъ.

Отъ Виталія Николаевича¹⁾ вы узнаете, какъ много грусти и незаслуженныхъ испытаній мнѣ пришлось перенести вслѣдствіе клеветы; послѣдствія ея испытываю я во всемъ и въ особенности въ той нравственной пыткѣ, непривычной моему имени (sic), которая со дня прибытія въ Петербургъ и до настоящаго дня выпадаетъ мнѣ на долю²⁾.

Холоднымъ, по возможности безпристрастнымъ, окомъ озираясь на время, пережитое въ Туркестанскомъ краѣ, съ Мая 15 по Февраль, я не чувствую себя виновнымъ ни передъ долгомъ службы, ни передъ вами представителемъ для меня Государя. Но вы, компетентный судья всего сдѣланнаго, единственный могущій произнести сознатель-

¹⁾ Трощаго, бывшаго начальникомъ Штаба Туркестанскаго военного округа, въ послѣдствіи Виленскаго генералъ-губернатора.

²⁾ Подробности неприятностямъ и огорченіямъ Скобелева, удручавшія его въ Петербургѣ, намъ не извѣстны; но знаемъ, что онъ пріѣхалъ изъ Туркестана въ Петербургъ, въ надеждѣ получить какое либо отвѣтственное назначеніе въ Дунайскую армію. Не получивъ такового, онъ началъ кампанію безъ опредѣленнаго положенія. Но скоро, однако, онъ такое положеніе себѣ завоевалъ. Дальнѣйшее всѣмъ извѣстно: онала продолжалась не долго; появился Бѣлый генералъ, ставшій скоро народнымъ героемъ.

ный и справедливый приговоръ, дажѣко, и мнѣ остается лишь, теперь, съ возможнымъ достоинствомъ, ждать торжества правды и справедливости.

Я намѣренно, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, не безпокоилъ васъ своими письмами въ минуту разгара постигшаго меня несчастія: вы и такъ слишкомъ много меня сдѣлали. Да когда война объявлена, не время жаловаться, безпокоить собою.

Мнѣ однако продолжаетъ казаться, что случившееся со мною, въ извѣстной степени, имѣетъ болѣе чѣмъ личное значеніе. Вашему высокопревосходительству извѣстно, что въ Туркестанскомъ краѣ, быть можетъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо полное довѣріе къ лицамъ, облеченнымъ властью, на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи. Если подобная, относительно фактовъ, совершенно безпочвенная интрига можетъ и въ будущемъ имѣть успѣхъ въ подобныхъ размѣрахъ, безъ вѣдома главнаго начальника края, то врядъ ли авторитетъ власти отъ этого выиграетъ.

Что до меня касается, то я слишкомъ награжденъ Государемъ и вами обласканъ; сознавать все вами для меня сдѣланное, Константинъ Петровичъ, помнить это до послѣдней минуты жизни—послужить мнѣ лучшимъ утѣшеніемъ. Въ тяжелой необходимости болѣе не служить подъ вашимъ начальствомъ я силюсь найти и хорошую сторону: болѣе смѣло открывать передъ вами мое навсегда благодарное, любящее васъ сердце. Черезъ нѣсколько дней давно желанный бой; есть надежда (sic) быть изъ первыхъ, при переправѣ. Молю Бога не ударить лицомъ въ грязь, поддержать въ дѣлѣ и ваше доброе обо мнѣ мнѣніе, и репутацію нашихъ доблестныхъ Туркестанскихъ войскъ, въ рядахъ которыхъ я сердцемъ продолжаю себя считать.

Мы уже около 20 дней въ виду непріятели противъ Рущука. Перестрѣлка и канонада съ Турецкой стороны почти ежедневныя. Мы не отвѣчаемъ, ждемъ прибывающей осадной артиллеріи. Прибудетъ завтра 27 орудій. Третьяго дня противъ Турецкихъ батарей у д. Маротина, съ нашего поста Малорушъ, поручено было мнѣ отвѣчать на огонь изъ 4-хъ ф. орудій на дистанцію 1250°, но дѣйствіе непріятельской артиллеріи оказалось настолько превосходнымъ, что я отвелъ наши орудія назадъ, сдѣлавъ всего два пробныхъ выстрѣла. Въ этотъ день саперы 7 бат. въ часъ дня приблизительно устроили ложементы для артиллеріи подъ сильнымъ гранатнымъ огнемъ (напр. сдѣлалъ по небольшой возвышенности Малорушъ 80 выстрѣловъ изъ орудій большою калибра) совсѣмъ молодцами; нельзя было ими не любоваться. Это васъ порадуетъ.

Сдѣсь (sic) всѣ увѣрены, что размѣры и результаты открывшейся драмы теперь опредѣлить невозможно. Государь въ Плоэштахъ; съ нимъ дипломаты; многіе толкуютъ, что по переходѣ черезъ Дунай и послѣ перваго блистательнаго успѣха заключенъ будетъ миръ:

1. Автономія Болгаріи и двухлѣтнее занятіе ея Русскими войсками.

2. Объявленіе Румыніи королевствомъ.

3. Присоединеніе къ Австріи части Босніи.

4. Возвращеніе Россіи уступленнаго въ силу Парижскаго договора.

Впрочемъ, все это однѣ сказки. Теперь главное переходъ черезъ Дунай и осада Руцукъ, который теперь настолько укрѣпленъ, что можетъ быть названъ обширнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ (вооруженнымъ безупречно) и до своего паденія можетъ играть роль Меца въ 70 г. Это мнѣніе и необходимость паденія Руцукъ я, нѣсколько дней тому назадъ, дозволилъ себѣ высказать самому главнокомандующему.

Посылаю вамъ, многуважаемый Константинъ Петровичъ, кроки *) Руцукъ, снятый съ Журжевской пристани. Это вамъ напомнить прошлую Коканскую кампанію.

Еще не умолчу объ одномъ васъ конечно интересующемъ: довольствіе арміи какъ провіантомъ, такъ и фуражемъ, не смотря на частыя измѣненія маршрутовъ, несчастныхъ случайностей (sic) (неожиданное скопленіе въ Леовѣ 50 т. войскъ въ теченіи нѣсколькихъ дней) вездѣ, до сихъ поръ невозможныя грязи, производится весьма успѣшно. Даже войска отъ товарищества по продовольствію арміи и вообще интенданство (въ смыслѣ снабженія эшелоновъ на походѣ изъ подвижныхъ складовъ) существенныхъ недостатковъ не ощущаютъ; напротивъ того, хлѣбъ очень хорошъ, а крупа, хотя и бываетъ смѣшанная, но къ употребленію совершенно годная. Правда, до совершенства далеко; бывають частыя несвоевременныя доставки; ячмень, хотя и въ вѣсѣ, но слишкомъ сорный, но въ особенности *страдаемъ мы сѣномъ*, которое я прямо рѣшусь назвать *опасно* негоднымъ. Въ сложности-же дѣло все-таки поставлено правильно, быть можетъ даже совершенно, относительно обстоятельствъ и, до сихъ поръ, не смотря на обстановку въ высшей степени неблагопріятную отъ грязей, распутицы и слишкомъ частой, неосновательной придирчивости войскъ (артиллеріи и кавалеріи въ особенности) ни люди, ни лошади, на сколько я знаю, не голодали.

Наши Туркестанцы подполковники Калитинъ и Рѣдкинъ, шт. кап. Поповъ и Кашталинскій прикомандированы къ штабу Болгарскихъ дру-

*) Набросокъ чертежа.

жизнь, подъ начальствомъ генераль-маіора Столѣтова. Нашего доморощеннаго Алайскаго дорогостроителя капитана Маслова удалось пристроить старшимъ адъютантомъ передоваго, нынѣ Журжевскаго, отряда, при которомъ и я, временно, исправляю должность начальника штаба. шт.-кап. Калитина Василія пришлось изъ Кишинева отправить въ Парижъ: онъ совсѣмъ плохъ грудью. Моя матушка обѣщала посоветоваться съ лучшими докторами, но врядь-ли будетъ желанный результатъ.

Позвольте, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, почтительно просить васъ принять отъ меня двѣ гранаты, брошенныя на моихъ глазахъ съ Турецкихъ мониторовъ въ память бомбардированія Слободзеи $\frac{14}{V}$ 1877 г. Гранаты эти будутъ обращены въ лампы съ синими абажурами, на подобіе тѣхъ, которыя были на вашемъ письменномъ столѣ въ Аугамбакѣ. Ваша испытанная ко мнѣ благосклонность и то теплое чувство, которое побуждаетъ меня просить васъ принять эту бездѣлицу, служатъ для меня залогомъ успѣха моей просьбы. Лампы будутъ переданы въ Петербургъ вашему сыну. Мой сердечный поклонъ Виталію Николаевичу.

Глубоко преданный и на всегда благодарный М. Скобелевъ.
Окончено 1 Юня 1877 г. въ 10^{1/2} ч. у.

P. S. Только что вернулся домой; ночь провелъ подъ ружьемъ; въ 11 ч. вечера вчера $\frac{30}{V}$ 1877 г. наша пѣхота по Дунаю неожиданно завязала перестрѣлку съ Турецкою, на о. Маканъ, въ 700 шагахъ отъ нашей цѣпи приблизительно. Вмѣшалась артиллерія, мониторы. Кажется (sic) мы оба подозрѣвали другъ друга въ намѣреніи переправиться. Около двухъ часовъ все успокоилось. Теперь канонада возобновилась. У насъ потерь не было. Непрiятель стрѣляетъ картечными гранатами.

Вотъ послѣднія политическія новости изъ достовѣрнаго источника.

Отношенія къ Германіи и Австріи продолжаютъ быть прекрасными, и думаютъ, что Австрія не только не будетъ мѣшать, а скорѣе содѣйствовать. Въ Англіи общественное мнѣніе настолько раздѣлено и вліяніе расположенной къ намъ оппозиціи такъ сильно, что правительство Дизраэли не рѣшается ни на какія энергическія мѣры, не смотря на свое желаніе помочь Турціи; оно заявило черезъ гр. Шувалова, что оно не допуститъ занятія Египта, измѣненія существующихъ положеній и прохода судовъ черезъ Дарданеллы, но и это сдѣлало *словесно*. Судя по тону вліятельныхъ органовъ печати, думаютъ, что безъ особенныхъ съ нашей стороны неудачъ (sic) или ошибокъ, Англія въ войну не вмѣшается,

Кн. Горчаковъ готовъ былъ согласиться на разныя уступки въ смыслѣ желанія Англіи и ограничить Балканами театръ военныхъ дѣйствій. Онъ послалъ уже въ этомъ смыслѣ инструкціи гр. Шувалову; но три дня тому назадъ, въ Плоэштахъ, вопросъ этотъ былъ подробно обсужденъ, въ присутствіи Государя и Наслѣдника, и, подъ вліяніемъ мяѣнній Игнатъева и кн. Черкаскаго, инструкціи были отмѣнены, и рѣшено *дѣйствовать*—отложивъ пока заботы о томъ, что скажетъ Англія. На другой день всѣ говорили объ отставкѣ Горчакова, но теперь ужъ онъ помирился съ новымъ рѣшеніемъ и сталъ воинственнымъ.

Въ Греціи ожидаютъ возстанія въ Турецкихъ областяхъ населенныхъ Греками, не позднѣе перехода нами Дуная. Положеніе Черногорцевъ очень трудное, такъ какъ Турки пользуются временемъ, чтобы раздавить ихъ.

Хотя изъ вышеизложеннаго и видно, что не пришло еще время для дѣятельнаго участія Туркестанскаго генераль-губернатора въ предстоящемъ рѣшеніи Восточнаго вопроса, но *необычайная Горійской партіи уступчивость* въ настоящую пору доказываетъ, какое первенствующее мѣсто предстоитъ занять Туркестану и какъ *настоятельна необходимость быть къ тому готовымъ*.

18 $\frac{2}{VI}$ 77 г.

г. Журжево.

II

Позиція на Плевно-Ювчинскомъ шоссе передъ Плевной

13 Октября 1877.

Ваше высокопревосходительство Константинъ Петровичъ.

Посылаю вамъ рапортъ мой генералу Зотову и кн. Имеретинскому о дѣлахъ подъ Плевной съ 26 по 31 Августа.

Я знаю, какъ вы интересуетесь всѣмъ касающимся нашей арміи. Въ данномъ случаѣ распорядился войсками въ столь многозначительную минуту вашъ Туркестанскій воспитанникъ, глубоко сознающій, что обязанъ вамъ исключительно, въ обширномъ смыслѣ слова, своими настоящими относительными успѣхами. Вообще въ настоящую кампанію, въ глазахъ общества значеніе Туркестана, какъ боевой школы, значительно поднялось; этому помогло и геройское поведеніе *всѣхъ* нашихъ офицеровъ, служившихъ въ Болгарскомъ ополченіи и въ прочихъ войскахъ, и чрезвычайное боевое самолюбіе нижнихъ чиновъ Туркестанскаго округа передъ непріателемъ, всѣми начальниками частей сознанный, наконецъ отчасти и несостоятельность различныхъ аранже-

ровъ мирныхъ маневренныхъ увеселеній, на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи слишкомъ рельефно выказавшаяся.

Я, слава Богу, въ интимныхъ своихъ отношеніяхъ по службѣ былъ такъ счастливъ (sic), что смогъ сохранить всѣ наши Туркестанскія привычки.

Начальникомъ штаба у меня Куропаткинъ. Ваше высокопревосходительство уже давно оцѣнили по достоинству этого героя-солдата и прекраснаго, полнаго благородства человѣка. Съ нимъ мнѣ жить легко, не смотря на рычаніе толпы завистниковъ болѣе прежняго на меня злая (sic).

Ласка Государя ко мнѣ, при всѣхъ случаяхъ, не знаетъ предѣловъ. Послѣдній разъ, за обѣдомъ, я конечно сѣлъ за столъ съ послѣдними—это вѣдь не въ дѣлѣ. Государь послалъ тотчасъ же за мной Воейкова и меня посадили противъ кн. Суворова, который сидѣлъ по правую сторону Государя.

За обѣдомъ Онъ почти исключительно говорилъ со мной и наконецъ, поднявъ бокалъ, пилъ мое здоровье.

Наслѣдникъ тоже очень смягчился. При мнѣ Хомичевскій. Масловъ произведенъ въ маіоры, начальникъ Габровскаго уѣзда и очень отличился на Шибкѣ. Радецкій заявилъ, что при менѣ *опытномъ* и *распорядительномъ* уѣздномъ начальникъ онъ, пожалуй, не удержался-бы. Черкасскій отзывался объ Масловѣ съ восторгомъ.

Кланяйтесь Виталію Николаевичу; я ему такъ много обязанъ и искренно его люблю.

Будьте здоровы, Константинъ Петровичъ. *Мы готовимся.* Васъ любящій и на всегда вамъ благодарный

М. Скобелевъ.

